

Т.А. Хагуров, Н.Е. Хагурова

Как воспитывать правильную толерантность

В своей статье авторы анализируют политические, исторические, социальные и психологические проблемы и сложности той ситуации, в которой находится сегодня система образования, одной из задач которой является воспитание толерантности и пресечение молодежного экстремизма.

События политической жизни последних лет и месяцев свидетельствуют о том, что проблема экстремизма, особенно молодежного, приобретает глобальный характер и превращается в одну из главных угроз социальной стабильности. Это относится не только к последним событиям на Украине. Молодежный экстремизм проявил свой разрушительный потенциал во всех крупных социальных потрясениях последних лет: в событиях «арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в этнических столкновениях в Москве (Манежная площадь, Бирюлево), в деятельности исламистского подполья на Северном Кавказе и, конечно, во всех украинских Майданах, включая последний — самый кровавый среди всех «бархатных революций» на постсоветском пространстве.

У ученых и практиков закономерно возникают вопросы относительно форм, факторов и причин молодежного экстремизма, ответы на которые насущно необходимы для формирования профилактических, а не реактивных (типа полицейских операций) стратегий противодействия этой угрозе.

Нам представляется, что то, что обычно называется в качестве причин экстремистских выступлений молодежи — социальная и политическая неудовлетворенность, — на самом деле является скорее поводами. Причины же лежат глубже и связаны они, в первую очередь, с образовательной политикой государства, формирующей национальное и государственно-патриотическое сознание молодежи. Или проще говоря — в плоскости понимания таких школьных предметов, как история и литература. Для современной России серьезное осмысление проблем истории и литературы — в полном смысле — вопрос национальной безопасности, более важный, нежели вопросы укрепления экономики и силовых структур. Ниже мы постараемся привести некоторые аргументы в защиту этой точки зрения.

Для чего нам нужна история? Классический и самый полный ответ на этот вопрос дали два великих мастера слова — Цицерон и А.С. Пушкин. Первый сформулировал кредо исторической прагматики: «История — учительница жизни». Человек, не знающий

Хагуров Темыр Айтчевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, федеральный эксперт по оценке качества профессионального образования.

Автор более 60 научных публикаций, в том числе трех книг.

Хагурова Наталья Евгеньевна — окончила в 2009 г. Кубанский государственный университет по специальности «Социология». В годы учебы и после работала в Краснодарском региональном отделении Российской Академии социальных наук в качестве научного сотрудника, потом — преподавателя учебно-тренингового центра. В 2010–2013 гг. преподавала социологию и культурологию в Кубанском государственном аграрном университете. Сейчас работает в Краснодарском Институте экономики и управления в медицине и социальной сфере. Аспирантка Майкопского государственного технологического университета.

истории, обречён повторять ошибки прошлых поколений. Второй — основы исторической метафизики:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его).

Пушкинское «самостоянье» в терминах политической и социальной теории переводится как «субъектность» — то есть способность *сохранять себя* (своё «Я», свои корни, свои ценности) в жизни и действии. Человек, не знающий истории, легко теряет субъектность, свои корни, своё «Я».

Сегодня на примере братской страдающей Украины мы наглядно видим, к чему может привести неверно понятая и неверно интерпретированная история: она становится тараном, разрушающим общество и государство (прежде всего, в лице *молодежи*, воспитанной на исторических мифах). Молодежи, повторяющей ошибки и утратившей субъектность. Разумеется, за спинами наивно-озверевшей молодежи, бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления исторической справедливости», всегда стоят совсем другие — взрослые, умные, холодные и злые люди. Но о них — разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

Сейчас же нам бы хотелось поговорить скорее об ошибках понимания истории, нежели о злом умысле. *Проблемы истории тесно связаны с проблемами языка и литературы*, и в жизни — ещё сильнее, чем в школьной программе. Об этих проблемах тоже необходимо будет сказать несколько слов.

Начнём с нескольких принципиальных вопросов.

Вопрос первый: с каких позиций, в каком ключе и — главное — для чего вообще нужно вспоминать исторические события нашего прошлого сегодня? Ключевое слово в этом вопросе — «нашего» — то есть нашего *общего* прошлого. Это замечание выводит нас на ещё более общий и более глубокий вопрос: а что вообще создает из разных этносов с их собственной историей и культурой единый великий имперский народ? Народ, способный из разрушенной вдрызг страны построить за два десятка лет великую индустриальную супердержаву. Способный выигрывать мировые войны и (единственный!) останавливать коричневую изуверскую чуму фашизма. Способный в кратчайшие сроки после страшной войны, унесшей миллионы жизней и разрушившей страну, построить лучшие в мире образование и науку, послать человека в космос, выиграть ядерную гонку не жизнь, а на смерть с самой мощной экономикой мира, ничуть не пострадавшей в войне. Что создает такие народы?

Ответ прост. Любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие

скрепы: *общий язык* и *общая история*. Это — историческая аксиома. И когда исторические соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т. п.), они всегда ведут *главную* войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории и литературы и министры образования. Начнём с истории.

Начнём с того, что История сама по себе — всегда вещь сложная и неоднозначная. Исторический процесс в каждый свой момент преисполнен великого и смешного, высокого и низкого, прозрений и заблуждений, предательства и героизма как отдельных людей, так и целых наций и государств. Проще говоря, в шкафах истории любой страны таится множество как «скелетов», так и «жемчужин». Учитывая это, во всех без исключения странах, претендующих хоть на какую-то политико-историческую самостоятельность, существуют две версии истории — публичная и архивная. Первая преподаётся в школах и широко представлена в публичном пространстве, вторая — является объектом интереса профессиональных историков и в публичное пространство почти никогда не попадает. Цель истории публичной (школьной) — прежде всего, научить будущих граждан гордиться своей страной, ценить «жемчужины». Это формирует единую историческую память (ту самую «любовь к отеческим гробам»), объединяющую разных людей и разные национальности в единый народ. Это не значит, что школьная история не должна вообще упоминать о «скелетах» — исторических трагедиях и ошибках. Она это делает, но делает всегда очень деликатно, расставляя акценты. Например, в английских школах, когда вспоминают королеву Елизавету, современницу Иоанна Грозного, акцентируют внимание не на политике огораживаний (имевшей, по правде, форму социального геноцида) и не на поощрении государственного пиратства (самый известный пример чему — Ф. Дрейк), а на геополитических успехах королевы, её роли как строительницы мирового могущества Великобритании. Аналогичным образом, вспоминая итоги британской колонизации, английские школьные учебники акцент делают на просветительской «миссии белого человека», воспетой Кипплингом, а не на фактах беззастенчивого грабежа и угнетения колоний. Точно так же в американских школьных учебниках, говоря о XIX веке, вспоминают Войну Севера и Юга как войну за независимость рабов (не акцентируя внимания на экономико-политической подноготной этой сложной и трагичной войны) и почти ничего не говорят о геноциде индейцев, принявшем в этом веке поистине массовые формы, приведшие к почти полному уничтожению коренного населения. Исследования «скелетов» — удел истории архивной, очень редко выходящей в публичное пространство, что всегда сопровождается скандалом и общественным резонансом.

Трагедия России заключается в том, что наша страна единственная в новейшей истории пережила беспрецедентную по масштабу и накалённости *вой-*

ну с собственной историей, развязанную во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг. Обсуждение субъектов и режиссёров этой войны уведёт нас далеко в сторону, поэтому остановимся на главном — её сути. Суть этой войны, говоря образно, заключалась в широкомасштабной кампании по вытаскиванию из исторических шкафов «скелетов» и сокрытию «жемчужин». Причём «скелеты» вытаскивались не только собственные, действительно лежавшие в «шкафах», но и заботливо подброшенные туда западными «доброжелателями» или «подкрашенные» собственным истерически-интеллигентским диссидентским сообществом. Все сложные и противоречивые, трагичные и неоднозначные моменты истории (в первую очередь — советской) трактовались в обвинительном и обличительном духе. Но ведь на разрушении Священных Камней СССР дело не закончилось. Начав с обличения «исторических преступлений» Сталина и Берии, перешли к глумлению над народными героями — З. Космодемьянской, А. Матросовым, А. Стахановым и т. д. Добрались потом и до российской истории вообще. Пока одни обсуждали вопрос о канонизации царской семьи, другие, вождельно подхикивая, обсуждали (публично!) «интригу» Императрицы с Распутиным. Потом в поле такого же низко-подхикивающего и истерично-злобного обсуждения оказывались и Екатерина II, и Иоанн Грозный, и другие персонажи российской истории. Потом в новодворско-старовойтовском духе оказалась проблематизирована русская история вообще. Вдруг оказалось, что мы — великий имперский народ, подаривший человечеству величайшие сокровища культуры (чего только стоят русская живопись, русская музыка, русский балет во главе с великой русской литературой, русская наука и инженерия), народ, жертвенно остановивший фашизм, — какие-то исторические выродки, заслуживающие лишь одного — учиться у «цивилизованного» (западного) мира. В результате этой войны с историей у всего великого российского народа (как в его целом, так и в отдельных национальностях) сформировались и проявились все симптомы культурно-исторической шизофрении. Сгущаем краски? Но откуда тогда взялась страшная, глупая и пошлая фраза, гулявшая по нашей стране в 1990-е. Фраза, пугающая своей низостью и скотством, фраза, которую почти невозможно было бы представить в стране, положившей на алтарь Победы миллионы жизней, если бы её действительно не произносили тогда часто. Фраза такая: «Да лучше бы нас в 1945-м году немцы завоевали: мы бы сейчас все баночное пиво пили!». Её повторяли часто и много, причём — что самое страшное! — не с экранов телевизоров, а в транспорте и на кухнях. Произошло самое страшное, что могло произойти, — народ, утративший благоговение к «отеческим гробам», начал на этих гробах плясать. Плясать безумно и жалко, на радость своим историческим и геополитическим противникам.

При этом как-то из публичной истории ушло понимание того, что эти противники всегда существовали

и продолжают существовать. Что Россия всегда с трудом, преодолевая их яростное сопротивление, несла свою весть миру. Что война с Россией велась всегда и на фронте собственно военном, и на фронте гуманитарном. Что с этими (вполне реальными, а не выдуманскими!) противниками очень по-разному, но в одном ключе боролись русские политики и гуманитарии: и Александр Невский, и Дмитрий Донской, и Сергей Радонежский, и Иоанн Грозный, и старец Филофей, и Пётр I, и Екатерина II, и А.С. Пушкин, и Николай I, и С.С. Уваров, и Ф.М. Достоевский, и М. Горький, и Н.А. Островский, и И.В. Сталин, и многие-многие другие великие политики и гуманитарии Государства Российского. Вопрос о том, какую именно весть несла Россия миру, преодолевая сопротивление и нападки, требует отдельного серьёзного разговора. В самой же поверхностной и общей форме можно ответить на этот вопрос так: русская весть миру всегда была *вестью о смысле и милосердии*, напоминанием о том, что не хлебом единым жив человек, и что не может человек быть счастлив, если ближнему плохо. Именно об этом буквально кричала вся русская классическая литература, к вопросу о роли которой мы ещё вернёмся.

Не имея возможности погружаться в дебри вопросов об исторических и современных политических противниках России, скажем лишь, что они всегда были и нигде не делись. Здесь сразу же определённая категория читателей задаст возмущённый вопрос: «О каких противниках идет речь, опять эта риторика холодной войны, неужели вы не видите, что мир идёт по направлению к единой цивилизации, провозвестниками которой становятся глобальные рынки и глобальная культура? Давайте нормально жить, как все, и всё будет нормально». К сожалению, это не просто не так, это совсем наоборот. Никакого единства в современном мире нет. В мире идет острая грызня за ресурсы (что немаловажно) и за смыслы (что главное!). Идёт грызня между глобальными мировыми центрами силы не просто за раздел сфер влияния, но за будущий миропорядок. Эти процессы имеют столько же общего с разговорами о «глобальных рынках», «единой цивилизации» и «мирном сосуществовании», сколько фашистская пропаганда об «освобождении народов России от коммунистического ига» имела с реальной практикой действий нацистов на территории СССР во время войны. Нельзя не понимать очевидного: иракский, ливийский, сирийский, украинский колокол звонит по нам.

Однако вернёмся к Истории. Сегодня мы видим как историческое безумство страшных лет Перестройки и 1990-х проходит. Страна, презревшая свои святыни, хочет к ним вернуться. Мы опять хотим гордиться своим прошлым и настоящим. Это значит, что нам сообщать нужно сегодня изживать последствия войны с историей и вызванной ею историко-культурной шизофренией. Такое изживание (выздоровление) не бывает лёгким. Чтобы пояснить эту мысль, приведем одну развёрнутую метафору.

Общество и государство часто сравнивают с семьёй, что началось ещё с Аристотеля. Эта аналогия во многом верна, верна она и в отношении исторической памяти. В иудейской, христианской и исламской традициях фундаментом отношения человека к Богу, ближним и себе самому является Декалог — 10 заповедей. Среди них есть одна, очень важная для любой семьи, — пятая заповедь: «Почитай отца и мать». Заповедь эта в равной степени относится к семье малой и к семье большой — государству. Представим, что живёт большая семья, которая, как и положено семье, имеет свои семейные предания, семейную героиню, семейную мифологию, наконец. Мифология такая ничего не имеет общего с обманом. Просто, например, отец, бывший в молодости сорви-головой и хулиганом, а потом ставший упорным и честным тружеником, добившийся многого честным и жертвенным трудом (а таких ведь действительно много!), поучая своих детей, вспоминает лишь свои трудовые подвиги, а отнюдь не хулиганские проделки. Аналогично и мать, которая, может, в юности и была легкомысленной, но потом стала искренней и честной матроной, поучая дочерей, рассказывает им о верности и терпении, а не об ошибках молодости. И тут представим, что появляется кто-то злой и вкрадчивый и начинает говорить детям: «А ты знаешь, что твой папа вовсе не такой правильный, как он вам рассказывает? А ты знаешь, что он в юности, случилось, и гопником бывал? А мама ваша, та вообще... А хочешь, я тебе про них и не такое расскажу... Ты знаешь, что они (родители) всегда хуже к тебе относились, чем к брату (сестре). А других твоих братьев они вообще в детдом отдали...» И т. д. и т. п. Другими словами этот кто-то злой и вкрадчивый начинает *искушать* детей. Такой подход — это очень старое искушение — *искушение Хама*, готового видеть пороки отца своего и смеяться над ними. В Библии и Коране очень хорошо показано, что для тех, кто поддаётся этому искушению, есть справедливое наказание — родительское проклятие. Реакцией на подобное искушение может быть реакция Хама, смеющегося над срамотой отца своего, а может быть реакция его братьев, сознательно отвернувшихся и не захотевших (из Любви, а не из глупости!) видеть срамоты отца своего. И здесь опять-таки определённая категория читателей скажет, что «правда есть правда, какой бы горькой она ни была».

Ну что ж, давайте продолжим нашу аналогию. Предположим, что этот кто-то злой и вкрадчивый поймав детей семьи на «желании знать правду», да только заодно с правдой выложил им кучу лжи и поклёпов: «Мол, папа ваш не только, бывало, в магазинах воровал, но и людей мочил, и девушек насиловал. А мама, та не просто нескольких кавалеров до свадьбы имела, но и вообще была проституткой. А братика вашего они не то что в детдом сдали, а попросту съели его в голодные годы». И т. д. и т. п. Какой будет естественная реакция большинства детей этой несчастной семьи на такие «откровения»? Реакция эта будет очевидной — глубокий психологический шок, вызванный

расщеплением сознания (между тем, что знал с детства, и тем, что услышал от злого незнакомца), ведущий прямиком к шизофрении. Это вам любой психиатр подтвердит. Разумеется, будет играть роль индивидуальная психологическая устойчивость каждого из детей. У кого-то сразу «съедет крыша». Кто-то начнёт «бухать» — заливать горе. Кто-то порвёт с семьёй и уедет в далёкие дали — «век бы вас не видеть» и т. п. Но одно совершенно точно: те, кто согласился послушать коварного незнакомца и жадно внимал его рассказам, *жить по-прежнему уже не смогут никогда*. Теперь представим, что эти несчастные и глупые дети, хлебнув горя порознь и поняв, что злой незнакомец их просто «развёл», чтобы ограбить, решили вернуться к родителям и вновь жить большой семьёй. Им будет очень непросто это сделать: помимо собирания хозяйства (что само по себе очень сложно) им нужно будет, во-первых, лечиться (одному от алкоголизма, другому от эгоизма, третьему от шизофрении и т. д.), а во-вторых, восстанавливать веру в свои общие корни, в отца и мать. Им нужно будет передать своим детям (с детства видевшим семейный раздрай) *веру в то, во что они сами веру когда-то утратили*.

Приведённая аналогия, со всей условностью, свойственной аналогиям такого рода, иллюстрирует сказанное о войне с историей и её последствиях. Сегодня нам нужно вместе эти последствия преодолевать. Это сложный и долгий процесс. Но его важнейшей составляющей должна стать замена хамского «правдолюбия» на почтительную сыновью деликатность и любовь, отводящие глаза от грехов родителей. Или, переходя от языка притч к языку социологии, нам нужно восстановить нормальную публичную историю.

Здесь есть определённые технические и организационные сложности. В период войны с нашей общей большой историей во всех без исключения регионах России произошёл один и тот же процесс: региональные власти, пытаясь хоть как-то сохранить «чувство корней» у молодёжи, историческую идентичность, сделали ставку на краеведение. Во всех школах всех регионов стали повышенное внимание уделять истории местной, региональной, справедливо полагая, что это позволит сохранить чувство Родины для детей и юношества. И это действительно во многом помогло, и честь и хвала тем педагогам, учёным и управленцам, которые создавали соответствующие учебники, читали курсы, внедряли программы. Эта — *краеведческая* — модель истории помогла нам пережить лихолетье и не утратить своих корней. Однако в этой модели есть и свои риски — риски забывания Большой Родины ради Родины малой. Напомню ещё раз: Большая Россия складывалась не сразу и непросто. История каждого региона, наряду с жемчужинами общей великой истории, хранит и скелеты своей региональной боли и противоречий. И на этой боли и этих противоречиях (малых, в сравнении с Великой общей Историей, но тем не менее — болезненных)

можно играть. Как, например, играют иногда, кто-то по глупости, а кто-то и не без злого умысла на боли Кавказской войны.

Сегодня становится очевидно, что если мы хотим вернуться к корням, вновь обрести утраченное «самостоянье» — историческую идентичность, нам нужна *иная модель публичной (школьной) истории*. Модель с акцентом не на краеведении, а на общей истории Великой страны, истории примиряющей Киевский, Московский, Петербургский, Советский и Постсоветский периоды нашей истории. Истории, основанной на бесценных жемчужинах, а не на скелетах, истории, воспитывающей любящих и гордящихся своей страной граждан, а не цивилизационных выродков, страдающих комплексом исторической неполноценности. Это, безусловно, требует внимания к истории на уровне федеральном, уровне общегосударственном, подразумевающим соответствующие изменения и в учебных планах, и в учебниках.

Вторая важная скрепа, объединяющая нации народности в один большой народ, это, как уже говорилось, — язык. Язык любого народа — это его литература. Ввиду сложности и обширности этой темы скажем лишь самое главное.

Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это большее — единство образов и метафор и выражаемых ими смыслов и ценностей, единство понимания человека и предельных вопросов человеческого бытия, единство примеров и героев, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Всё это даёт народу его литература, несущая и сохраняющая его язык — хранилище смыслов и образов. Для нашего народа таким хранилищем, безусловно, является язык великой русской литературы, литературы, представляющей собой одну из величайших (если не самую великую) вершин мирового литературного смыслотворчества. Однако неправильно, как это иногда делается, сводить великую русскую (российскую) литературу к её «золотому веку» — уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но *вся* она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя гениальных представителей *всех* народов большой России и никогда не пыталась быть «этнически чистой». Наша великая литература всегда была интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в советский период. Наряду с Горьким, Шолоховым и Шукшиным в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Гамзатова, и пронзительная проза Айтматова, и сочная и реалистичная проза Керашева, и огромное количество других произведений этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле русский язык, язык большой русской литературы — поистине язык интернаци-

ональный, вобравший и в себя и помогший выразить свою правду всем без исключения народам и этносам Государства Российского.

Но нужно понимать и то, что русский язык, язык русской литературы тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык является их хранителем.

Русский язык пережил в последние 20-25 лет *четыре* мощнейших и сокрушительных интервенции. Первая из них — это интервенция криминального слэнга (по-научному «арго», в просторечии — «феня»), захлестнувшего страну в конце 1980-х — начале 1990-х. На фене заговорили вдруг все — студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» и т. д. и т. п. стали обыденной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институализированная кинематографом и другими масс-медиа. Соответственно, не приходится удивляться кратному увеличению масштабов преступности в постсоветской России. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование мата, вдруг ставшего языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и миловидных девушек-школьниц.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли несомненно этим языком смыслы — «блатная» идеология — «понятия». Суть этой идеологии часто «замыливается» в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным криминальным фольклором (из серии «голуби летят над нашей зоной»). Суть эта проста — это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте — «лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и в подростковые компании, и даже — в отношения мужчин и женщин. «Развести» и «кинуть» — стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурсников.

Вторая травмирующая язык интервенция — это интервенция англицизмов, хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контролинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т. п. — стали словами-маркерами, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаём одно печальное обстоятельство — русский язык перестаёт быть язы-

ком современности, им стал английский, причём в корябщем слух людей, получивших классическое инязовское образование, варианте American English.

Третья интервенция была, наверное, хуже двух предыдущих. Речь идет об интернет-сленге, буквально взорвавшем русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи.

Результатом этих трёх интервенций, произошедших почти синхронно, стала резкая примитивизация выразительных средств актуального языка, прежде всего, языка молодежи, всё более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащенного матом и бизнес-терминами.

Однако самой страшной была, наверное, четвёртая интервенция, связанная не столько с языком как таковым, сколько с трансформацией самой литературы и опирающегося на неё кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сборнику «Русские цветы зла»:

«Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена [...] между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. [...] Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к „грязному“ слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между „черным“ отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи — это вонь. Все смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт... На место психологической прозы приходит патопсихологическая» (Ерофеев, 2001, с. 12-13).

Это — очень точный диагноз произошедшего в современной русской литературе и вообще культуре, которая, вопреки модным идеям, всегда определяется именно литературой, а отнюдь не Интернетом и кинематографом, ибо они — всегда вторичны по отношению к литературе. Об этом очень правильно и точно пишет У. Эко в своей статье «От Интернета к Гуттенбергу» (2011). Можно назвать произошедшее *интервенцией зла*, приведшей к чудовищной вещи — инверсии героев. На смену традиционному герою — «хорошему парню», сражающемуся с «плохими парнями» за высокие идеалы, пришёл новый герой — симпатичный негодяй, сражающийся с ещё большими негодями за деньги и успех. Сказанное, разумеется, схематично, но любое развернутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной книги.

Встает вопрос — что делать? Ответ прост и сложен одновременно, какими всегда бывают ответы на простые и глубокие вопросы. Просто нужно нам всем вместе реанимировать глубоко травмированные за последние три десятилетия историю и язык. Преодолеть последствия той страшной войны с историей и языком, которая велась и продолжает вестись до сих пор. Войны, которую наиболее ярко стало видно в отблесках «коктейлей Молотова», взрывающихся на братской Украине, но отнюдь не исчерпывающейся этими взрывами, а имеющей множество куда более тонких и опасных форм.

И совершенно очевидно, что это та война, которую выигрывает и проигрывает школьный учитель — учитель истории и литературы. И совершенно очевидно, что эту войну он не сможет выиграть сам по себе. Ему нужно адекватное командование (руководители образования), нужны карты и боеприпасы (учебные планы и учебники) и самое главное, что нужно в любой войне, — народная любовь и поддержка.